

ФІЛОСОФІЯ ЛЮДСЬКОГО БУТТЯ ТА КУЛЬТУРИ

УДК 111:572.316:101

В. А. Кóсяк

Сумской государственной педагогической
университет имени А. С. Макаренко

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ

«Насущно знать, как себя вести в мире, каким он есть».

А. Камю «Бунтующий человек»

В статье осмыслены разновекторные силы, которые «правят» социальное поведение человека вне официальных воспитательных и образовательных структур. Охарактеризованы некоторые внеинституционализованные факторы, которые стихийно и стохастично влияют на социализацию личности.

Ключевые слова: «практическая мораль», «духовная мораль», «черные истины», безопасность, противостояние злу, убыстрение ритмов, свободное время, демографическая ситуация, неогуманизм, преформация.

Помимо институтов семьи, школы, производственных коллективов, армейских подразделений и иных объединений, в которых осуществляется направленная социализация личности, существует немало внеинституционализованных неорганизованных сил в социуме, которые стихийно и стохастично, вероятно корректируют «социальное научение»; латентно или явно, сильно или слабо, однозначно или амбивалентно влияют на «результат социального взаимодействия», на «регуляцию социального поведения за пределами институционализованных образовательных систем». Среди таковых попытаемся прокомментировать следующие.

Доминирование «практической морали» (ставящей целью жизни личное благополучие, богатство семьи, клана). Доминирует эта мораль на социальном фоне ослабления морали духовной (религиозной), которая охраняет человека от восстания на жизнь, сдерживая рецидивы противоправного, девиантного поведения; оберегает она человека и от отчаяния в познании (смирят человека духовно-религиозного с мыслью, что «премудрость земная непотребна для неба»). Ограждает духовная мораль человека и от презрения к себе как к человеку, ибо общий признак современной эпохи – это невероятная убыль достоинства человека в его собственных глазах, на что, возможно, первым обратил внимание Ф. Ницше. Процесс этот начался в Новое время при посредстве просветителей человечества, пенявших ему (человечеству) за его действительные и мнимые несовершенства. С аристократическим хладнокровием, без покаяния и сокрушения принялись они показывать «черные

истины» о человеке, ибо познающему уму ничто не должно быть страшно. (Девизом новоевропейской мысли, проницательно заметил И. Кант, могло бы быть «*Sapere aude*» – отваживайся знать.) В Новое же время сформировался интеллект, способный прямо смотреть в лицо безрадостным истинам о человеке [13, 50]. А. К. Якимович называет это «достижение» или «беду» «антропологией недоверия». В ее парадигме паскалевский парадокс: «Человек велик своим сознанием своего ничтожества» видится хотя и продолжающим взывать к человеческому совершенствованию, но более кажется «хорошей миной при плохой игре». Недоверие, скепсис человека к самому себе возрастают, самоуважение, достоинство в своих собственных глазах слабеют. Этому способствовал, по-видимому, и исторический процесс, в котором антропогенная сумма зла выросла настолько, что продолжать гордиться собою стало уже проблематично. Злое начало Новейшего времени предстает таким масштабным, что «черные истины» о человеке становятся едва ли доступны для осмысления и описания. Порок продолжает быть более притягательным, чем добродетель. («Тьма низких истин» привлекает больше, чем «нас возвышающий обман»).

Успехи наук открыли зеленый свет сверхпотреблению, которое «перерастает в потребление самого человека. Он перестает быть субъектом и превращается в материал прогресса» [3, 18]. Наблюдающийся «сдвиг гуманитарной парадигмы» в сторону «конструирования человека», его «преодоления», вдохновляющийся идеологией трансгуманизма (иммориализма), посягает на идентичность человека, сотворенного Богом. И потому едва ли что прибавляют к достоинству человека – венцу природы – успехи биомедицинских технологий, которые интенсивно развиваются, чтобы осуществлять манипуляции с человеческой плотью в пограничных, неопределенных зонах (предельных ситуациях), каковыми, по Б. Г. Юдину [11], являются: зона между жизнью и смертью (диагноз «смерть мозга» при искусственном обеспечении биологических процессов); зона, предваряющая рождение человека (получение эмбриональных стволовых клеток); зона между человеком и животным (создание паралоудей – химер и киборгов); зона между человеком и машиной (инвазия, взаимопроникновение человека и машины); зона между человеком и постчеловеком («конструирование», «преодоление», «улучшение человека»). Не поднимают достоинство человека и успехи биологических наук. Биологи говорят, что он (человек) – цепь молекул и генетических кодов. Не возвышают человека социологи – мораль надстройкой над экономикой. Этнологи заявляют, что нет общечеловеческих ценностей.

Возвратимся, однако, к практической морали. Ее материализацией выступает прагматизм, доминирующий в экономике и политике, проникший в мораль и эстетику и подчинивший человека «всемирному интересу купли и продажи». Но преследовать выгоду и только выгоду, пользу и только пользу, не видеть и не желать ничего высокого, не чувствовать ничего поэтического – это пошло, неэстетично. На это обращали внимание своих современников Н. Г. Чернышевский, Ф. Ницше. Ведь наша жизнь во многом обязана своей

ценностью тому, что не подчинено жажде выгоды и пользы, что не может быть учтено и сосчитано. Солидарен с этой мыслью и А. Шопенгауэр: «Для молодого человека, – пишет он в «Афоризмах житейской мудрости», – служил дурным признаком, – дурным как в умственном, так и в нравственном отношении, – если он рано начинает хорошо разбираться в суеде людской жизни, чувствует себя в ней, как дома, и вступает в нее уже как бы подготовленным; все это указывает на пошлость. Напротив, неуверенное, неловкое, неумелое поведение говорит о более благородной натуре». Проницательные русские мыслители и писатели провидчески предсказывали: если жизнь отдельного человека или целой нации ограничивается материальными интересами и диктуется сиюминутными претензиями, а не опирается на многовековые традиции, то она подвергается опасности упадка. Подлинный плодотворный результат любой деятельности, в том числе экономической и научной зависит от золотого запаса благородных людей с обостренной совестью, с высокими духовными качествами.

«Эскалация» в наше время практической морали нередко «нагружает» индивида рисками целостности его личности, болезненным переживанием внутреннего разлада между жизнью и идеалом, провоцирует его к *ressentiment* (фр. – неприязнь, озлобленность, зависть, враждебность, злорадство), «заражает» речевой агрессивностью. Последняя стала одной из актуальнейших проблем современного социума, раздираемого конфликтами и коллизиями самого разного рода. В публичной сфере набирает силу так называемый «язык вражды» (с англ. *hate speech*) – словесные формы разжигания расовой, межнациональной, религиозной, политической розни. Бытовое общение идет на фоне континуума непрекращающихся размолвок, ссор, «выяснения отношений» [9, 126]. Соответствующая такому общению сниженная социализирующая речь легитимируется как «матрица социального взаимодействия», как «норма» культурной и субкультурной интерсубъективности, в которой все доходчиво друг друга понимают.

Причины вербальной агрессивности можно видеть в ослаблении духовного начала, сдерживающего и «выстраивающего» человека, в утрате представлений о гармонии и красоте, воплощенных в христианских нравственных категориях смирения и кротости (вытесненных в XX веке на периферию культурной жизни Европы), налагавших особый запрет на речевые действия, квалифицируемые как явно агрессивные (оскорбление, обвинение, клевета). Апостол Яков поясняет это тем, что сквернословие разрушает человека, как ржа железо, потому что оно (сквернословие) – грех против самого Творца. Однако же, если «Бог умер» (Ф. Ницше), то все дозволено. Чистота же речи – это отражение духовной чистоты, социального здоровья – атрибутов качественного состояния гармонии человека с обществом и с самим собой.

Чтобы быть свободным от злых мыслей, слов и дел, учат христианские наставники, нужен свет – знание сути вещей; тепло – любовь к божественному идеалу; чистота – достойная жизнь. Но немногие имеют столько личностных сил, чтобы взойти на такую духовную высоту, и потому немногие могут

противостоят «вирусу зла», эпифеноменом которого является «вирус сквернословия». Сейчас не представляется возможным проанализировать, в какой момент у образованной части людей («образованщины»), интеллигентов по должности (интеллигентов не потомственных, а в первом поколении – «четверть интеллигентов») стало принято ругаться матом. Для этого должно было, по-видимому, появиться согласие большинства. По старым же благородным меркам в среде комильфо, к которой принадлежал молодой граф Л. Н. Толстой, считалось, что джентльмен, позволивший себе хотя бы единожды пройти сутулым, равно как и «пройтись» ненормативной лексикой, – уже не джентльмен. Здесь «сутулость» – метафора сниженности человека во всех физических и ментальных смыслах. Аристократы духа, они же идеалисты и романтики, не роняют себя до матодичей, свойственной черни, будь то она властной, рыночной, портовой и прочей чернью. Они высоту и чистоту в себе и в обществе хранят. Они блюдут гармонию в себе в отношениях с природой и людьми. Но матодичей с молчаливого согласия, или, скорее всего, по безразличию большинства, продолжает иметь место в разветвленном хозяйстве культуры. В фильме «Цветы от Лизы» заезжий в российскую столицу иноземный лингвист-прагматик аргументирует гипотезу о мате как целительном средстве, панацее, щадящей его потребителей от стрессов, инфарктов и прочих, угрожающих жизни, напастей. Однако нелишне заметить, что деградация лексики (сквернословие) – это отражение эрозии нравственности, которая во все времена была и остается формой биологического инстинкта сохранения человеческого общества и которая имеет своим основанием в европейской культуре декалог – десять заповедей Моисея – своеобразную биограмматику нравственного здоровья всякого общества.

Корректирует социализацию и различные социальные угрозы безопасности нашей деятельности, такие, как «болезни цивилизации», приобретшие характер пандемий; распространение терроризма; нарастание количества и масштабов антропогенных катастроф; кризис городов-мегаполисов; маргинализация значительной части населения, биологическое ослабление человечества; изменение ценностных ориентаций; беспрецедентный рост жестокости (пандемия зла). Актуальность последней проблемы столь велика, что в Украине с июля 2001 года издается журнал «Социально-психологические и медицинские аспекты жестокости» (Киев, издательство «Сфера»). Сложилась и соответствующая наука – виктимология, изучающая последствия жестокого обращения с людьми.

Противостоят онтологическому злу можно разное. Прекраснодушной, например, обращенностью к разумному началу в человеке, дабы достиг он состояния «кротости и согласия», на что уповал Р. Декарт. Культурой, конечно же. Олимпизмом, в который свято верил социальный романтик барон Пьер де Кубертен как в институт, с помощью которого удастся создать лучший тип человека. Святостью, которая является уделом очень немногих людей, подвижников веры, достигших полноты духовных и нравственных добродетелей через искоренение в себе страстей – источника греховных, злых

помыслов. А перед святостью иной грешник устыдится и опустит готовые к разбою руки. Ветхозаветным правилом талиона (око за око, зуб за зуб). Новозаветной силою любви (1 Кор. 13:8,13). «Покаянием как нравственным ростом, очищением души своей от рессентимента. Сила раскаяния бывает так велика, что злодей может превратиться в праведника. Силой духовной и силой физической – в философии сопротивления злу силой» И. А. Ильина.

Стихийным фактором социализации предстает историческое убыстрение ритмов человеческой деятельности, ритмов жизни частной и общественной. Мы как бы торопим приближение будущего. Многие не успевают приспособиться к динамике изменений. «Футурошок» усиливает социальную коллизию между отрицанием, осуждением прошлого и неприятием будущего. Обращает на себя внимание ускорение социального и экономического времени, темпа жизни, нехватка времени. Последняя – «один из символов утраты значительной частью общества связи с трансценденцией как внеположенным источником экзистенции». Связь эта была отчетлива в христианстве, в идее о том, что время принадлежит Богу и лишь заимствуется человеком [1, 32]. Следствием «убыстрениям жизни» является усталость человека от техногенной цивилизации, равнодушие к нравственно-ценностной сфере, предпочтение всего материального, потребительское отношение к природному и социальному окружению, и стремление защититься от социального, игнорировать его, акцентируя индивидуальное.

Неспешные ритмы жизни традиционных обществ, большинство которых описаны А. Тойнби, вытеснены к настоящему времени убыстренными ритмами техногенной цивилизации. Начало этого процесса – эпоха становления раннего капитализма в Европе. Двумя веками позже сформировалась система ценностей с культом успешной орудийной деятельности. Кульминация этого процесса в наши дни – это «прессинг научно-технологического активизма», подчинение жизни молочу убыстрения скорости и ритмов преобразующей деятельности. Этого не было в традиционных культурах. Они не посягали на преобразование мира, на власть над природой. «Им, – пишет В. С. Стёпин, – было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры «у-вей», который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира» [6, 20]. Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, стал тянуть их за верхушки и вытянул из земли, является, по-видимому, предупреждением нам, усиленно спешащим. Неумолимое побуждение себя к работе подняло культ производительности на высоту, лишённую тепла гуманизма. Такая жизнь, замкнутая кольцом необходимости, выглядит опустошённой, едва подсвеченной призрачными радостями. Однако большинство выбирает именно эту жизнь, в которой «досуг такой же редкий и короткий, как птичье пение в ненастный день». Но без свободного времени невозможно достойное бытие и духовное развитие личности, свободное развитие сил человека, на что указывали классики философии.

«Досуг, – читаем у А. Шопенгауэра, – является, так сказать, венцом человеческого существования, так как только он делает его полным обладателем своего «Я». Самым ценным и существенным должна быть для каждого его личность... Чем больше источников наслаждения открывает в себе человек, тем счастливее будет он. Вполне прав Аристотель, сказавший: «счастье принадлежит тому, кто сам себя удовлетворяет» [8, 31]. Древние весьма высоко ценили свободное время. В досуге, по Аристотелю, заключено само счастье. По свидетельству Диогена Лаэртского, Сократ восхваляет досуг превыше обладания девушкой. Однако коль люди не равны, то не равны они и перед досугом. Ограниченные (духовно обделенные) заполняют свободное время чувственными удовольствиями, а если таковых по каким-то причинам нет – исканиями, как убить время, «очумелостью». Бегство от скуки для них – игра, часто игра в карты, которая, как говорит А. Шопенгауэр, есть «явное обнаружение умственного банкротства. Не будучи в состоянии обмениваться мыслями, люди перебрасываются картами» [8, 30]. У талантливых же и духовно сильных внутренняя жизнь разнообразна, многогранна, содержательна и богата событиями.

Значимым фактором социализации личности выступает глобальная демографическая ситуация – «демографический взрыв», феномен, начавшийся в 50–60 годах XX века. В развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки началось резкое ускорение темпов роста населения за счет снижения смертности, особенно детской, при сохранении высокой рождаемости. Демографическая ситуация обострила проблемы социальные и экономические в этих странах. А поскольку там проживает более половины населения мира, то увеличение численности населения превратило «демографический взрыв» в глобальную проблему. За прошлое столетие население планеты Земля увеличилось с 1 до 6 миллиардов (31 октября 2011 г. – 7 миллиардов). И все хотят достойно жить, и делают для этого все мыслимое и немислимое. По мере же роста популяции, поверим основателю социобиологии Э. Уилсону, пропорционально возрастает биологическая, генетически «запускаемая» агрессивность как следствие перенасыщения среды обитания.

По мнению известных зарубежных генетиков [7, 181–185], необузданный рост населения – это бедствие, сопровождающееся «взрывом потребления и индивидуальных притязаний» (А. Печчеи «Сто страниц для будущего»), ведущее к войнам, авторитарным режимам, деградации личности и общества в целом (Дж. Хаксли «Кризис гуманизма»), к «генетической эрозии» человечества (Р. Кук «Людская плодовитость – современная дилемма»). Головокружительный, как его оценивал Х. Ортега-и-Гассет, рост населения Европы «означает все новые и новые толпы, которые с таким ускорением извергаются на поверхность истории, что не успевают пропитаться традиционной культурой» [4, 314], не помышляют о высшем и хотят жить чувственной жизнью. Если предложить обучаться тому, что прибавит чувственных радостей, иронизирует С. Вивекананда в «Четырех йогах», то от желающих не будет отбоя. Но немногие соберутся слушать того, кто указывает

на высший смысл бытия. «Массы надвигаются!» – апокалипсически восклицал Гегель. И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, и потому он вмешивается во все, навязывая свою убогость бесцеремонно в духе «прямого действия» [4, 333–334].

Амбивалентен касательно социализации неогуманизм, который основывается на установках гуманистической психологии, понимающей социализацию как «самоактуализацию Я-концепции». Актуализируя универсальную новую заботу о человеке, неогуманизм вместе с тем декларирует, если не воспитывает, в сознании общества едва ли не предельную терпимость к функциям и желаниям тела, к идеологии нудизма, неоязычеству, либертенству. Былой ригизм под давлением неогуманизма смеется максимальным диапазоном морально неосуждаемого. В парадигме неогуманизма «другой не хуже нас», усиливается толерантное отношение к тем, кто прежде считался нелюдем. В неогуманистической терпимости конца XX – начала XXI вв. все они приобретают статус сочеловека. Так рассуждают популярные «продвинутые» мыслители и журналисты в пафосе глобализма и мультикультуализма. Самые «человечески недопустимые» картины, описания, изображения в контексте находят себе ниши в терпимом хозяйстве искусства, литературы, кино. То, что прежде было культурно запрещено, стало разрешено [13]. Виной тому, как считает В. Ш. Сабиров, берущая начало в эпохе Возрождения идеология гуманизма, затушевывающая христианские понятия греха. В результате этого постепенно человеку позволяет все больше и больше из того, что ранее считалось недоступным. «Сфера запретного в нравственной жизни сокращается, как шагреновая кожа». Гигантскую пропасть в понимании должного можно видеть между началом XX и XXI века. Например, роман Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», вызвавший в 1920-е годы бурю морального негодования, сейчас можно считать образцом целомудренного изображения любви между мужчиной и женщиной. Нетрудно предположить, замечет российский религиозный философ В.Ш. Сабиров, что при нынешней тенденции к всеразрешенности в будущих нравах может не остаться никаких запретов вообще и найдутся многочисленные оправдания этому с позиций (нового – В. К.) светского гуманизма. Стало быть Институт брака и семьи будет нагружаться еще большими проблемами. Будем верить, что этого не случится. Все антропологические и этические учения, разрабатывавшиеся в русле гуманизма, – убеждает В. Сабиров, – упускают из вида духовную глубину человека, именно то, что «дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (Ф.М. Достоевский) [5, 108].

Сильна и социальная преформация, о которой говорит Г. Маркузе, производящая лояльных конформистов, погруженных в стандартный универсум потребностей, адекватных их перформативному сознанию, которое корректируется госэлитой. Такая «реализация себя» не востребовывает всей природы человека, не обращает его к духовному миру, не побуждает к трансцендированию. Попав в добровольный плен «действительного разумного», преформированный обыватель-конформист комфортно плывет по

течению, заглушив в себе истинные жизненные импульсы, лишив себя уникальности своей судьбы, опустошив себя автоматизмом стихии бессознательно-массового. Он опутан псевдо-бытием, которое по форме вроде бы подлинное, но по сути – нет. Вместо подлинности – кажимости, симулякры; и чем искуснее эта подмена, тем плодovitее ложное бытие «в современную эпоху тотальной симуляции» (Ж. Бодрийар). Подлинным представляется массовому человеку преформированный мир стандартных потребностей, материализуемый в предметах, навязываемых ему рекламой. Развлечения, информационная индустрия несут в себе предписываемые отношения, привычки и соответствующие интеллектуальные и эмоциональные реакции (Г. Маркузе), обеспечивающие душевное равновесие. Так реализуется тайное желание власти иметь лояльное население. Размах и эффективность «демократической интродукции правителей в своих подданных» (Г. Маркузе) бывают так велики, сильны и искусны, что последние не ощущают своей несвободы, заангажированности. Умело манипулируемые, они пребывают в уютном статусе комфортных конформистов и не хотят никакого освобождения. И не бывает у них «тошноты, вызванной образом жизни», и нет позывов у «прирученных», потерявших «инстинктивную жизненную силу» (К. Лоренц) цивилизованных людей «к бунту как делу физической и духовной гигиены».

Доминирующими факторами, детерминирующими наши мысли, речь, словесное и физическое поведение – нашу социализацию, являются социокультурные движущие силы. Нисколько не умаляя их огромной значимости, в том числе семейных традиций, условий жизни, общественной морали и других факторов «внешней среды», направляющих наше поведение, нельзя недооценивать генетические его основания: наше общественное поведение, наша социальность достаточно сильно связаны с нашей нейробиологией. На одном и том же социальном фоне люди с разным генетическим багажом ведут себя по-разному, что объясняется наследственностью, разной биологической основой [2, 6].

В настоящее время все более упрочиваются научные представления в пользу генетической обусловленности поведенческих характеристик личности в сравнении со средовыми влияниями и воспитанием. Уже в «Материальной этике» М. Шелера находятся многие элементы последующих философско-антропологических концепций, в которых отстаивается врожденность некоторых типов человеческого поведения. Мало кто подвергает критике и теорию Ч. Ломброзо (1835–1909) о существовании особого типа человека, предрасположенного к совершению преступлений в силу определенных биологических признаков (антропологических стигматов). В 40-х годах прошлого века У. Шелдон выявил, что подавляющее большинство молодых преступников принадлежит к конституционному типу эндоморфных мезоморфов (невысокие, большебрюхие, широкогрудые, мускулистые), с преобладанием общефизического развития над церебральным [10, 213]. В настоящее время врожденная склонность к преступлению подтверждена особенностями метаболизма и хромосомной структуры. На биологических

предпосылках зиждется влечение к пиромании, kleптомании, дромомании, дипсомании. Прослеживается прямая зависимость между поведением человека и содержанием сахара в крови. Его недостаток (гликемия) вызывает агрессивность. Повышенная раздражительность, свирепость может быть следствием гипо- или гиперфункции надпочечников и щитовидной железы. Общеизвестна злобность больных желтухой, вызываемая воздействием желчных пигментов на ткани мозга. Злобность может быть обусловлена эндогенным и экзогенным поражением височной доли [10, 208, 209, 218, 228].

Биологическая, генетическая родословная, – пишет В. П. Эфроимсон, – особенно сильно заявляет о себе в «этике» мерзавцев «как класса». Они необычайно быстро адаптируются к любой социальной ситуации и делают блистательную карьеру. К ним следует причислить и нуворишей, людей быстро разбогатеющих на спекуляциях, как правило, во время социальных перемен [10, 180]. Те и другие «социализируются» наилучшим для себя образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Е. В. Феноменология недостаточного бытия / Е.В. Захарова // *Философия науки*. – 2010. – № 10. – С. 30–36.
2. Киселев Л. Л. От редуционизма к интегративизму / Л. Л. Киселев // *Человек*. – 2003. – № 4. – С. 5–11.
3. Кутырев В. А. Время Mortido / В. А. Кутырев // *Вопросы философии*. – 2011. – № 7. – С. 18–29.
4. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.
5. Сабиров В. Ш. Проблема добра и зла в христианской этике / В. Ш. Сабиров // *Человек*. – 2001. – № 6. – С. 104–111.
6. Стёпин В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В. С. Стёпин // *Вопросы философии*. – 2006. – № 2. – С. 16–26.
7. Флоров И. Т. Перспективы человека / И. Т. Флоров. – М. : Политиздат, 1983. – 350 с.
8. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – М. : Интербук, 1990. – 152 с.
9. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия в оценке православия / Ю. В. Щербинина // *Философские науки*. – 2011. – № 6. – С. 126–133.
10. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики / В.П. Эфроимсон. – СПб. : Талисман, 1995. – 228 с.
11. Юдин Б.Г. Человек как объект технических воздействий / Б.Г. Юдин // *Человек*. – 2011. – № 3. – С. 5–20.
12. Якимович А.К. Искусство непослушания. О художественном процессе Нового времени / А.К. Якимович // *Вопросы философии*. – 2006. – № 5. – С. 47–60.
13. Якимович А. К. «Свой-чужой» в системе культуры / А. К. Якимович // *Вопросы философии*. – 2003. – № 4. – С. 48–60.

РЕЗЮМЕ

В. А. Кóсяк. До проблеми соціалізації.

У статті обмірковано різновекторні сили, що «правлять» соціальну поведінку людини поза офіційними виховними і освітянськими структурами. Охарактеризовано деякі позаінституалізовані фактори, які стихійно і стохастично впливають на соціалізацію особистості.

Ключові слова: «практична мораль», «духовна мораль», «чорні істини», безпека, протистояння злу, прискорення ритмів, вільний час, демографічна ситуація, неогуманізм, преформація.

SUMMARY

V. A. Kosyak. To the Problem of Socialization.

Raznovektornye forces which «govern» social conduct of man out of official educate and educational structures are comprehended. Some vneinstitutionalized factors which elementally and stochastichno influence on socialization of personality are characterized.

Key words: «practical moral», «spiritual moral», «black truths», safety, opposition an evil, ubystrenie of rhythms, spare time, demographic situation, neogumanizm, preformaciya.